

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ: ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Дина Б. Сундуева

Забайкальский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается языковая ситуация в среде русской общины Монголии. На основе анализа автобиографических нарративов русских граждан, проживающих в Монголии на постоянной основе, установлены основные вехи становления современной языковой ситуации в среде русской общины Монголии. Анализ автобиографических нарративов представителей старшего поколения показал, что в начальный период становления русской общины в Монголии единственным языком общения внутри своей группы оставался родной русский язык. Определено, что сохранению русского языка в среде русских старожилов Монголии способствовала языковая политика социалистической Монголии. Литературный узус русского языка поддерживался в сфере образования монгольских учебных заведений. Современная языковая ситуация в среде русской общины Монголии характеризуется тем, что русский язык остается основным языком общения в семейно-бытовой сфере. Нарративы представителей среднего и молодого поколений, родившихся уже в Монголии, свидетельствуют об изменениях в наборе функций контактирующих языков. Несмотря на сокращение сфер использования русского языка, сохраняется высокая лояльность к родному языку. Установлено, что вытеснение русского языка в системе образования, неизбежное при наличии доминирующей культуры, не стало причиной сужения его функций в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: русская община, языковая ситуация, языковая политика, сферы функционирования русского языка, формы существования русского языка

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Д. Б. Сундуева, 2024

AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF RUSSIAN OLD-RESIDENT POPULATION OF MONGOLIA: EXPERIENCE OF SOCIOLINGUISTIC READING

Dina B. Sundueva

Trans-Baikal State University, Russian Federation

The linguistic context of the Russian minority in Mongolia is examined in both synchrony and diachrony in this essay. The main milestones of the formation of the modern language situation in the environment of the Russian community of Mongolia have been established based on the analysis of the analysis of the autobiographical narratives of native Russian citizens. The examination of the elder generation representatives' autobiographical narratives revealed that during the early stages of the Russian community's establishment in Mongolia, Russian was the sole language used for intragroup communication. It is determined that the language policy of the state in relation to the Russian language during the period of socialism contributed to the maintenance of the literary usage of the Russian language in the field of education. The current linguistic situation in the Russian community of Mongolia is characterized by the fact that Russian remains the dominant language of communication inside the family and domestic sphere. Narratives of representatives of the middle and younger generations, born already in Mongolia, indicate changes in the set of functions of the contacting languages. Despite the reduction in the use of the Russian language, high loyalty towards the native language remains. The

younger generation is characterized by bilingualism while preserving the Russian native language with elements of preserving the Russian old-timer dialects of Transbaikal. It is known that spiritual identity is not lost when the original language loses its unique functions, which is unavoidable when a dominant culture is present. According to narrative analysis, the native idiom's predicted parameters for communicative compatibility, artistic worth, and prestige are all fairly high.

Keywords: *language situation, language policy, Russian language abroad, education sphere, Russian-Mongolian bilateral relations, Mongolia*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© *Dina B. Sundueva, 2024*

1. Введение

Автобиографические нарративы как источник социального знания проливают свет на разные стороны социального опыта как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. В данной работе нарратив трактуется как «один из способов передачи прошедших событий из биографии рассказчика при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» [Labov et al, 2007: 48]. По мнению У. Лабова, «структура нарратива может варьировать в зависимости от социального опыта рассказчика» [Ibid.]. В нарративном анализе интерпретируются не конкретные факты социальной реальности, а смысловые структуры автобиографических нарративов, которые возникают из переплетения описываемых в них реалий жизненного опыта и наличествующих в культуре общества форм объяснения и осмысления этого опыта. И если представлять возможные перспективы изучения такого эмпирического материала, то кажется совершенно очевидным, что он может быть использован в русле социолингвистической проблематики. Коллективные социальные смыслы, базируясь на «чувствах сердца» (Дж. Александер), на общих моральных основаниях, эмоциях и ценностях, оказывают влияние на формирование оценок, языковых установок индивидов.

2. Методология

Существующее разнообразие методов анализа автобиографических нарративов показывает, что в их основе лежит разная исследовательская логика, разные методы и стратегии. Как отмечают исследователи, «универсальных методик такой работы и быть не может, так же и как интерпретации нарративов, в том числе и составление методик их анализа» [Ярская-Смирнова, 1997: 45]. Придерживаясь точки зрения П. Томпсона, подчеркнем, что «обнаружение информации и развитие интерпретации идут параллельно, «рука об руку» [Томпсон, 2003: 372]. Мы считаем, что интерпретация автобиографических нарративов, являясь открытым процессом, не связана

напрямую с количеством материала. Даже единственный полный рассказ о прожитой жизни может дать ключ к достижению поставленных задач, а неполнота представленной в нарративе информации о каких-то этапах жизненного опыта человека также может стать основанием для целого ряда вопросов. Материалами исследования являются автобиографические нарративы, записанные в ходе полевых исследований в Монголии в разные годы: начиная с 2011 по 2023 г.

3. Результаты и обсуждение

В данной статье анализируются нарративы потомков русских старожилов Монголии, проживающих в этой стране на постоянной основе. По данным монгольских источников, «местных русских людей, эмигрантов из России в Улан-Баторе проживает 1150 чел. (450 мужчин и 701 лицо женского пола)» [Одонтуйа, 2023: 18]. В противопоставление россиянам, проживающим в стране, монголы называют группу «местнорусских» *«месны», нутгийн манай орос*, т.е. наши «отечественные» русские.

В период социализма советские специалисты, работающие в Монголии, именовали русских старожилов Монголии *местнорусскими, семёновцами, белогвардейцами*. В результате среди монголов сложилась практика именованья данной группы *цагантанууд*, т.е. белые, или белоэмигранты. Несмотря на сложившиеся идеологические установки по отношению к данной группе со стороны советского государства, «местнорусские» Монголии на протяжении всей своей истории идентифицировали себя с русской национальной общностью. Безусловно, длительный опыт проживания в инокультурной среде наложил отпечаток на духовную жизнь группы, но не привел к утрате устоев русской ментальности и культуры в ее региональном проявлении. В свое время ярко представил колоритный коллективный портрет «местнорусских» Монголии советский журналист А.С. Ярошевский: «Рядом с монгольскими ребятами, скотоводами пригородных селений в праздничных, золотом шитых одеждах, с принаряженными семьями строителей, шоферов, энергетиков из Советского Союза и веселыми европейцами-чехами, немцами, болгарями, венграми, в разноликой толпе, внутри нее и, не сливаясь с ней, шла группа “местных русских”. Станным образом они отличались от всех вокруг. Блондины с азиатскими глазами-миндалинами, жгуче-черноволосые парни с лицами абсолютно славянскими. Коренастые ветераны, в полушубках, обликом похожие на крестьян из российской глубинки. Пожилые женщины и малыши. Братья и сестры. Небогато одетые, не очень разговорчивые. Потомки семей, смешанных и чисто русских, совсем разные и все равно похожие друг на друга» [Ярошевский, 1990: 26]. До настоящего времени основу самобытности «местнорусских» Монголии определяет культурный мир их предков – русских старожилов Забайкалья.

Как известно, основную часть русского населения Байкальского региона до конца XVII в. составляли потомки семейских (старообрядцев) и представители забайкальского казачества. «Проживая на одной территории с коренным населением, эвенками и бурятами, русские старожилы Забайкалья постепенно приобретали некоторые антропологические особенности, заимствовали отдельные элементы быта и культуры этих народов, сохраняя при этом, как правило, свой язык, самосознание, свой культурно-бытовой облик» [Спиридонова, 2007: 17]. Здесь важно отметить, что русские старожилы Забайкалья, несмотря на длительное проживание в соседстве с автохтонными народами этой территории, сумели сохранить общерусские традиции в значительной чистоте.

Принято считать, что «русская община современной Монголии состоит в основном из потомков трех миграционных волн из приграничных с Монголией территорий Забайкалья. Первая переселенческая волна была связана с событиями Гражданской войны лесостепи» [Кручкин, 2011: 76]. Как пишут историки, «особенно кровопролитным и жестоким было противостояние красных и белых в приграничных забайкальских селах» [Константинов, 2009: 124]. Кровавые события тех лет, а именно поражение Белого движения, заставили жителей приграничных забайкальских деревень уйти в Северную и Восточную Монголию. Следует сказать, что жители приграничных с Монголией русских поселений задолго до событий Гражданской войны обживали земли сопредельной страны, у многих крестьян там были свои заимки, сенокосные угодья. Русские крестьяне забайкальских сел постоянно совершали поездки на территорию Монголии, хорошо знали реалии монгольской действительности. Для жителей приграничных российских сел Забайкалья были характерны сезонные миграции в монгольские пределы, связанные с сельскохозяйственными работами, охотой и рыболовством.

Трансграничные практики русских старожилов Забайкалья конца XIX – начала XX в. получили отражение в дореволюционных работах исследователей. По наблюдениям В. Птицына, сделанным в 80-е годы XIX в., «молодежь, живущая в русских приграничных с Монголией селах, соединяется в одну или несколько артелей... и едут на двухколесных тележках в Монголию ловить рыбу. Подъезжают, по их словам, к какой-нибудь речке за границей и разыскивают ямы, в которых собирается самая крупная рыба и вся видна с берега: так прозрачны и чисты быстрые горные речки. Нашедши такую яму, охотники достают из нее баграми и другими способами осетров и другую самую крупную рыбу, солят ее и укладывают в припасенную посуду, затем переходят к следующей яме и через 10–15 дней возвращаются домой с запасом рыбы для постов, для своего употребления» [Птицын, 1912: 149]. Особое внимание обращает исследователь на доброжелательный характер взаимоотношений между монголами и русскими крестьянами. Русские крестьяне, по наблюдениям В. Птицына, не только хорошо знают быт и нравы своих

монгольских соседей, но и «живут с ними в наилучших отношениях, чему, вероятно, способствует и то, что забайкальские крестьяне не ездят в Монголию для торговли с кочевниками и для спаивания их водкой». В исследовании В. Птицына отмечается, что монголы «всегда радушны и нисколько не препятствуют им ловить рыбу, которой сами монголы не употребляют» [Там же].

А.П. Свечников в 1912 г., путешествуя по Северной Монголии, тоже отмечает, что «русских в Монголии работает не одна тысяча человек. Русские встречаются там каждый день и в среднем через каждые 30–50 верст... Вообще, между русскими-сибиряками и монголами, – отмечает исследователь, – в течение нескольких столетий установилась такая тесная связь, что в настоящее время вряд ли даже путем запретительных мер удалось бы прекратить дальнейшую работу русских в Монголии» [Свечников, 1912, 149]. Следует отметить, что в силу сложившегося образа жизни русские старожилы Забайкалья первой переселенческой волны не воспринимали свой переезд в Монголию как факт внешней миграции, считая его временным явлением.

Центром притяжения для переселенцев первой волны стала усадьба кяхтинского купца Ивана Иакинфовича Корнакова (1863–1921). В начале XX в. все русские поселения, расположенные в приграничной полосе на территории Монголии, тяготели к бывшей усадьбе купца. Воспоминания о русской Корнаковке сохранились в памяти «местнорусских».

Зовут меня Григорий Иннокентьевич Самсонов. Родился я в сороковом году в деревне Корнаковка, здесь недалеко по реке Еро. Отсюда километров сто. В двадцатые годы граница же была открыта. Люди ехали туда, где есть работа. Там было много места для пашины, для покоса, для выпаса скота. А потом закрыли границу, не разрешали уже туда-сюда ездить. Отец у меня родился в Урлуке, а прожил в Корнаковке. Я в семье самый младший. Нас много в семье было ребят. Самый старший в двадцать пятом году родился, дальше в двадцать шестом, седьмом, двадцать девятом, тридцать первом.... В Корнаковке нам хорошо жилось. Корнаков-то еще при царе устроил паромную переправу через Еро, а на другом берегу построил лесопильный завод. Люди весной и осенью работали на полях, а летом на лесопильне. Мы и не знали, что это Монголия. На этой стороне Чикоя пасли скот, а на той стороне реки косили сено. Так жили мы. А в пятидесятом все на железную дорогу переехали. Кто в Сухэ-Батор, кто в Дзунхару, Дархан, Орхон, в Баруун-Хара, но сейчас там никого нет (Г. С., муж., 80 лет).

История русской Корнаковки такова. В конце 1880-х годов кяхтинские купцы Корнаковы уехали в Монголию и поселились на берегу реки Иро, основав земледельческую факторию. Журналист пишет: «Вы здесь видите дворик чистенький, правильный, словом, настоящий русский помещичий дворик... водруженный крест распятия, заставляют вас громко произнести “здесь русский дух, здесь Русью пахнет”» [Байкал, 1904: 2]. Е.М. Даревская также отмечает, что «это

была небольшая сибирская деревня с мужиками и бабами, крестьянскими детьми, с сибирскими избами, деревянными изгородями, где жили 23 семьи чикойских крестьян-староверов» [Даревская, 1994: 18]. В настоящее время село не сохранилось. Известно, что Августина Дмитриевна Корнакова, как и многие кяхтинские купцы, хорошо знала монгольский язык и свободно ездила в Монголию. В ее этнографических очерках содержатся ценные для нас сведения об интенсивных этнокультурных контактах: «Ежедневно у нас бывает не менее 10–15 человек монголов, кто по делу, кто на перекутке выпить чашку чая, кто повидаться с другими или обменяться впечатлениями и слухами. Одним словом, мы невольно живем общими с ними интересами» (цит по: [Сергеева, 2015: 122]).

Вторая переселенческая волна среди жителей приграничных русских поселений была вызвана деятельностью советско-монгольских золотодобывающих предприятий, которые развернулись в бассейне реки Еро. Русские жители приграничной полосы составляли основной контингент всех приисковых наемных рабочих, а после оформления демаркационной линии между МНР и СССР в 1928 г. некоторые русские села оказались на территории Монголии. В 1930-е годы период коллективизации породил третью волну миграции из СССР.

Автобиографические нарративы представителей старшего поколения общины «местнорусских» Монголии проливают свет на языковую жизнь в среде русских старожилов Забайкалья, обосновавшихся в пределах новой родины. Ко времени исхода с родных пределов, «местнорусские» были носителями русских старожильческих говоров Забайкалья, характерной чертой которых являлось соединение языковых черт северного и южного русских наречий с включением в них языковых особенностей автохтонного населения Забайкалья. Как свидетельствуют наши информанты, в 30-е годы XX в. повседневный быт русских поселений в Монголии мало чем отличался от уклада жизни русских старожилов Забайкалья. Воспоминания людей, родившихся уже вне России, позволяют увидеть особенности функционирования русского языка в 30-е годы XX в. вне метрополии, понять, как именно жил родной язык в условиях иноязычного окружения.

Я же росла в деревне русской Бельчир, большая деревня была. Все русские жили. В семье разговаривали на русском. Монголы сами по себе, мы жили сами по себе. Мы их и не видели. Коренны-то монголы жили в худоне. Раньше все по-русски было! Я до сей поры плохо монгольский понимаю. Знаю несколько слов, но это уже когда я большеенька была, стала немного понимать по-ихнему. А дома-то нее... Не говорили. А зачем? Нас у родителей четверо было, один скончался. Мама нас троих поднимала, пока отец не вернулся с фронта. Отца только в сорок втором году призвали, так как он работал комбайнером. Помню, как провозжали его. На телеги мужчин посадили и повезли в Сухэ-Батор. Помню, как отец вернулся с войны. Когда

папка зашел, мама печь русскую выгребала. Это ж какое было счастье, дожидаться отца. Многие, очень многие не дождались. До сей поры помню этот день. Такое не забыть! (В. Т., жен., 82 года).

Автобиографические нарративы свидетельствуют, что языковая ситуация в среде русских старожилов была монокомпонентной. В семейно-бытовой сфере функционировал родной русский язык. В воспоминаниях русских старожилов Монголии прослеживается патриотизм, высокая степень языковой лояльности по отношению к родному русскому языку.

Воспитывали нас в любви ко всему русскому, к своей Родине. В 1939 году мы тогда переехали в городок Алтанбулак, я пошла в советскую школу. Когда я перешла в третий класс, в это время началась Великая Отечественная война. В 1942 году осенью двух моих братьев взяли в Красную Армию. Они оба были на фронте, к счастью, оба остались живы. Тяжело было слушать плохие новости по радио. Но самое страшное было смотреть на страдания мамы, когда подолгу не было писем от братьев. Никому не желаю такое пережить... Счастью не было предела, когда Красная Армия прогнала фашистов с нашей земли. Мы ненавидели Америку и Англию за то, что они не открывали второй фронт. Мы гордились, что наша Родина – Советский Союз! (М. Т., жен., 84 года).

В воспоминаниях о 40-х годах XX в. прослеживаются упоминания о представителях других этносов, что свидетельствует об этнической пестроте Монголии; но можно предположить, что активные русско-монгольские языковые контакты в этот период еще не носили массовый характер.

Как со стороны России перевалишь через Хэнтэйский хребет, оказываешься в местности Мунгэн морьт, это с южной стороны по реке Менза. Монголы называют ее Мендж гол... Переводится как бобровая река. Там всегда жили буряты, а с северной, с российской стороны, в Мензе жили казаки. Дружили с бурятами, помогали друг другу. В 50-е годы бабушка моя, еще молодая тогда была, все любила ездить к ним. Бабушка была очень сильная. Метко стреляла. Охотилась. Как-то они нашли слиток золота. Отец не разрешил ей взять. Моя бабушка говорила: «Поедешь на Онон, на Керулен, встретишь там бурят, скажи, что ты Евгешкиной девки внук. Тебя там все примут». Буряты и монголы так и звали мою бабушку – «Евгешкина девка» (А. Т., муж., 64 года).

Опираясь на эмпирический материал, можно предположить, что только к середине XX в. наметились тенденции в изменении набора языков и их функций. Молодое поколение, родившееся в Монголии, в общении со сверстниками начинает осваивать монгольский язык.

В 1956 году мы всей гурьбой пошли поступать в Монгольский университет. Мы из консульского поселка никто не знал языка, все русские получили двойки, но тем не менее нас всех

до единого зачислили по одному в группу с монгольскими студентами. Я потом поняла, что это правильно. Обучение в медицинском велось на русском языке. Вся литература была на русском. Мы помогли монгольским ребятам, кто не знал русского... И работать мне было трудно с моим монгольским, так как я за пять лет учебы, так и не овладела языком, могла общаться только на бытовом уровне. Но со мной рядом всегда был мой муж Юрий с хорошим знанием монгольского (С. А., жен., 74 года).

В социолингвистическом плане информативны автобиографические нарративы выходцев из смешанных русско-китайских семей, появившихся в 1930-е годы в русско-монгольском приграничье. В таких смешанных семьях определяющую роль в сохранении русских традиций, родного русского языка сыграли матери – хранительницы русской старины. Нарративы русских старожилов Монголии свидетельствуют, что в смешанных семьях русский язык являлся основным языком внутрисемейного общения. Вместе с тем следует отметить, что в их воспоминаниях имеют место отдельные лексические единицы, свидетельствующие о русско-китайских языковых контактах. Например: *твоя корефана куда ходи?* Допуская факт использования лексики пиджина во внутрисемейном общении в русско-китайских смешанных семьях, отметим, что он не становился языком общения, поскольку в системе школьного образования дети овладевали литературной формой русского языка. В социолингвистических работах также отмечается, что «в местах новых поселений русские...не имели традиции общения с китайцами на пиджине [Жданова, 2016: 40].

Где вот не запрещали китайцам жены говорить по-китайски, то в таких семьях дети говорили по-китайски. Кто из китайцев жил с русскими женами, брали русские фамилии. Они фамилии жен брали почему-то. Вот, например, дядя Коля Кривогорнищев, а ее тетка Василина звали. Это ее фамилия-то. Для нас это было естественно. Дома мы говорили только на русском языке. Все было строго, по распорядку, шторки у мамы всегда накрахмалены, дома чистота, все блестит. Видимо, такие были властные женщины-сибирячки. Как-то же они сумели поставить себя? Все было по-русски (С. Н., жен., 75 лет).

В социалистический период монгольской истории произошли значительные изменения в языковой жизни русских старожилов Монголии, основной причиной которых стало исчезновение русских сел на территории Монголии. В 1949 г. в связи с подписанием Соглашения между правительствами СССР и МНР о создании Акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД) население русских деревень Селенгинского аймака стали переселять в поселки вдоль железной дороги (Сухэ-Батор, Зунхара, Мандал и др.). В сложившейся ситуации жители новых русских рабочих поселков уже не могли составлять единый языковой континуум, происходило вытеснение ярких диалектных черт, особенно в русской речи молодого поколения.

Система школьного образования способствовала овладению литературной формой русского языка. Популярность русского языка в монгольской среде, его функционирование в монгольских образовательных учреждениях тоже способствовали закреплению его литературного узуса в среде русских старожилых Монголии.

Оценивая современность, монгольские лингвисты пишут: «В диалоге языков русский язык по популярности и престижности пока занимает второе после английского языка место. В условиях языковой конкуренции существует вероятность его вытеснения другими важными иностранными языками азиатско-тихоокеанского региона (китайский, корейский, японский)» [Саранцацрал, 2021: 18]. В начале XXI в., несмотря на стремительное сокращение сфер функционирования русского языка в Монголии, он сохраняет свои позиции в обучении, в научной переписке, в периодической печати, в культуре и самодеятельности, в пропаганде и в церковной деятельности [Одонтуюа, 2023:45].

В целях сравнения с современными данными монгольских коллег приведем результаты социолингвистического обследования, проведенного нами в 2014 г. Анкетированием были охвачены русские старожилы, жители г. Улан-Батора, поскольку подавляющее их большинство проживали и проживают в настоящее время в монгольской столице. Генеральную совокупность в 2014 г. составляла общая численность русской общины – 965 чел. [Кручкин, 1994: 18]. В данном обследовании приняло участие 60 чел., что составляет 5,1 % от общего числа соотечественников, что считается «вполне удовлетворительным, чтобы судить о надежности данных» [Беликов и др., 2001: 57]. Выборка при анкетировании охватывала все поколения генеральной совокупности. Таким образом, возрастная структура респондентов распределилась следующим образом: старше 60 лет – 24 %; с 30 до 59 лет – 50 %; учащиеся и студенческая молодежь до 29 лет – 26 %. Из числа участников опроса лиц мужского пола – 40 %; женщин – 60 %. Ответили, что являются гражданами РФ 88 % опрошенных. Гражданство Монголии имеют 12 % респондентов, это в основном молодые люди из смешанных монголо-русских семей. Указали, что отцы являются монголами 12 % опрошенной молодежи, матери – 2 %. Примечательно, что на вопрос «кем вы себя ощущаете?» ответили «русским и монголом одновременно» – 10 %, монголом – 2 %, остальные 88 % участников анкетирования ответили, что считают себя русскими. В этой группе 24 % опрошенных указали себя потомками китайско-русских семей во втором и третьем поколениях. Соотнося наши данные с результатами социолингвистического опроса, сделанного монгольскими коллегами в 2021 г., согласимся, что, действительно, существует «вероятность его вытеснения другими важными иностранными языками» [Саранцацрал, 2021: 18].

Данные, полученные нами в Селенгинском аймаке в августе 2023 г., также показывают, что информанты, с которыми нам удалось побеседовать, в той или иной мере владели

монгольским языком. Чем моложе были русские информанты, тем выше был их уровень владения монгольским языком. В единичных случаях среди представителей старшего поколения встречались такие, которые только понимали монгольскую речь. Нарративный материал, записанный нами во время полевых исследований в 2024 г., проливает свет на современные тенденции в языковой ситуации в среде русских старожилов Монголии.

Сейчас хуже положение стало, чем в советское время. Русского нормального здесь больше не будет. Русская речь у нашей молодежи бедная. На работе русский язык не нужен, только монгольский или английский. Так я думаю, хорошо, что они хоть говорят по-русски на бытовом уровне (Т.Ш., жен., 57 лет).

В большинстве своем молодые люди из среды русских старожилов Монголии двуязычны, т.е. способны к «активной устойчивой коммуникации на двух или нескольких языках, один из которых является в жизни индивида функционально основным» [Пуссинен, 2011: 35]. Русско-монгольское и монголо-русское двуязычие у них проявляется в переключении и смешении кодов. В автобиографических нарративах «местнорусских» отмечаются заимствования из монгольского языка, обозначающие культурные реалии доминирующего этноса.

Бабушка из тайменя пирог рыбный делала. А еще она его засаливала. Завернет в мешковину, затянет сильно, а на завтра можно уже есть. Вкуснотища! Она у меня все хулту варила. При простуде очень хорошо помогает. Надо измельчить рыбу, картошку добавить, лук. Вот тебе и хулта. А цумугун какой вкусный! Ты не путай, это в костях цумугун, а в леденцах чумуг. В детстве, помню, сядем с бабушкой на тыргу и едем в Убулун черемуху собирать. Раньше китайцы все ездили на ильдигушках, а мы на тыргах. Одна знакомая брачиха там жила. Она потом в Дзунхаре на Гахайке долго жила, свиней пасла. А в каком хашане они жили, не помню (Т.А., муж., 67 лет).

Иноязычное слово употребляется как полноправный элемент русского текста, без перевода его на русский язык. Например: *На горе, на горочке стояли две монголки. У них гутулы лаковы, а дэли одинаковы.*

4. Заключение

Таким образом, автобиографические нарративы русских старожилов Монголии обнаруживают, что в начальный период становления русской общины в Монголии родной язык являлся единственным языком внутригруппового общения. В период социализма языковая политика монгольского государства способствовала поддержанию литературного узуса русского языка. Изучение русского языка в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Монголии не только стало основой широкого его распространения в Монголии, но и

во многом способствовало его сохранению в среде «местнорусских». Современная языковая ситуация в среде русской общины характеризуется тем, что русский язык остается основным языком общения в семейно-бытовой сфере. Нарративы молодых потомков русского старожильского населения Монголии свидетельствуют об изменениях в наборе функций контактирующих монгольского и русского языков. Для молодежной среды характерен билингвизм при сохранении родного русского языка в семейно-бытовой сфере. Нарративный материал показывает, что оценочные параметры коммуникативной пригодности родного идиома, его эстетической ценности и престижности остаются высокими. В родную речь русских старожилов Монголии активно включаются заимствования из мажоритарного языка, главным образом лексемы, обозначающие культурные реалии доминирующего этноса.

Литература

- Байкал // Троицкосавск Забайкальской области. Типография И.А. Лушникова, 1904. № 65. С. 2.
Режим доступа: <https://vtome.ru/jurnali/jgumanitarnie/61138-arhiv-gazety-baykal-za-1904-god-77-pomegov.html> Дата обращения: 2.10.2022.
- Беликов В.И., Крысин, Л.П. (2001) Социоллингвистика. М.: РГГУ. 440 с.
- Брокмейер Й., Харре, Р. (2000) Нарратив: Проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. № 3. С. 29–42.
- Даревская (1994) Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 273.
- Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд С. (2023) Русский язык как иностранный в образовательном пространстве Монголии: Компетенции, лояльность, установки // Социоллингвистика. № 1 (13).
- Жданова Н.А. (2016) Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: на материале китайского этнолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 18 с.
- Жуков А.В. (2014) Социокультурная среда Забайкалья: Забайкальские казаки и их потомки. Чита: ЗабГУ. С. 133.
- Земская Е.А. (2000) Речевой портрет эмигрантки первой волны // Русский язык сегодня. М. С. 119.
- Константинов (2009) История Забайкалья (с древнейших времен до 1917). Чита: ЗабГУ. 310 с.
- Кручкин Ю.Н. (1994) Монголия: энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас-банк. 1021 с.
- Кручкин Ю.Н. (2011) Россияне в Монголии // Современная Монголия: Энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас Банк. С. 795.
- Одонтуйя Л. (2023) Двухязычие и русская диаспора Монголии // Язык и культура. С. 32–46.
Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/5354_2023/Luvsanbaldan_Odontujaa_studia.pdf
Дата обращения: 4.10. 2023.
- Петрова Е.В. (1999) Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 117.
- Птицын (1912) Тамир. Русская община на границах Монголии // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т.6 (1894). С. 668–684.
- Пуссинен О. (2011) Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально не первого // Языки соседей: Мосты или барьеры? Проблемы двухязычной коммуникации. СПб.: ЕУСПб. С. 35.
- Рогова А.С. (2010) Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. № 4. С. 30.

- Саранцацрал* (2021) Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика проблемы /Социоллингвистика. №1(5). С. 31.
- Свечников* (1912) Русские в Монголии.Спб: тип-лит «Энергия». 150 с.
- Сергеева Е.Н.* (2015) Август-Багши: Жизнеописание Августы Дмитриевны Корнаковой в кругу Шевелевых, Бринеров, Токмаковых и ее этнографические работы о Монголии. Владивосток. 200 с.
- Спиридонова* (2007) Региональная культура: диалектика локального и универсального (по материалам Восточного Забайкалья): дис.... канд.культурологии. Чита: ЗабГУ. 187 с.
- Томпсон П.* (2003) Голос Прошлого: Устная история / Пер. с англ. М.: Весь мир. 368 с.
- Ярошевский* (1990) Местнорусские Монголии.Эхо планеты №9 (110) 5-11 мая. С. 26–28.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* (1997) Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. № 3. С. 38–61.
- Labov* (2007) Narrative pre-construction. In Michael Bamberg (ed.) Narrative: State of the Art. Philadelphia, Pennsylvania/Amsterdam, The Netherlands: John Benjamins Publishing Company. 47–56.

References

- Baikal Troitskosavsk Zabaikalskoi oblasti. Tipografii I.A. Lushnikova [Troitskosavsk Zabaikalskaya oblast. Printing house I.A. Lushnikova] 1904. No. 65. Pp. 2. Available at: <https://vtome.ru/jurnali/jgumanitarnie/61138-arhiv-gazety-baykal-za-1904-god-77-nomerov.html> Access date: 02.10.2022. (In Russ.)
- Belikov, V.I., Krysin, L.P.* (2001) Sociolinguistika [Sociolinguistics]. М.: RGGU. 440 p. (In Russ.)
- Brokmeier, Y., Kharre, R.* (2000) Narrativ: Problemi i obeschaniya odnoy alternativnoy paradigm [Narrative: The challenges and promises of one alternative paradigm] // Voprosy filosofii. No. 3. Pp. 29–42. (In Russ.)
- Czerenchimed, Saranczaczral* (2021) Russkij yazyk v sisteme obrazovaniya Mongolii: sostoyanie, dinamika, problemy/Sociolinguvistika. No.1(5). [Russian in Mongolian Education System: state, dynamics, problems/ Sociolinguistics. No.1(5)]. 31 p. (In Russ.)
- Darevskaya, E.M.* (1994) Sibir` i Mongoliya: Oчерki rusско-mongol`skix svyazej v konce XIX nachale XX vekov [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian Relations in the late XIX-early XX centuries]. Irkutsk. 2003. 273 p. (In Russ.)
- Dyrkheeva, G.A., Tsybenova, Ch.S., Tserenchimed Sarancacral* (2023) Russkii yazyk kak inostrannyi v obrazovatelnom prostranstve Mongolii: Kompetentsii loialnost ustanovki [Russian as a foreign language in the educational space of Mongolia: Competencies, loyalty, attitudes] // Sotsiolingvistika. No.1 (13). Pp. 31. (In Russ.)
- Konstantinov, A.V.* (2009) Istoriya Zabajkal`ya (s drevnejshix vremen do 1917). [The history of Transbaikalia (from ancient times to 1917)]. Chita: Zabspu. 310 p. (In Russ.)
- Kruchkin, U.N.* (1994) Mongoliya: e`nciklopedicheskij spravochnik. [Mongolia: an encyclopedic reference]. Ulan-Bator: Xas-bank. 1021 p. (In Russ.)
- Kruchkin, U.N.* (2011) Rossiyanе v Mongolii [Russians in Mongolia] // Sovremennaya Mongoliya. Ulan-Bator: Has Bank. Pp. 795. (In Russ.)
- Odontuyaa, L.* (2023) Dvuiazychie i rusaskaia diaspora Mongolii [Bilingualism and the Russian Diaspora in Mongolia] // Language and culture. Pp. 32–46. Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/5354_2023/Luvsanbaldan_Odontujaa_studia.pdf Access date: 04.10.2023. (In Russ.)
- Petrova, E.V.* (1999) Sotsiokulturaia adaptatsiia semeiskikh Zabaikalia [Socio-cultural adaptation of the Transbaikalian families]. Ulan-Ude. Pp. 117. (In Russ.)
- Pticyn, V.V.* (1912) Tamir. Russkaya obshhina na graniczax Mongolii\Vestnik Evropy`. Zhurnal istorii, politiki, literatury. (1894) [Tamir. The Russian community on the borders of

- Mongolia\ Bulletin of Europe. Journal of History, Politics, Literature (1894)]. Pp. 668–684. (In Russ.)
- Pussinen, O.* (2011) Tipy kommunikativnykh neudach pri vladenii russkim iazykom v kachestve funktsionalno ne pervogo [Types of communicative failures in Russian language proficiency as a functionally non-first language] // *Yazyki sosedei: Mosty ili bariery? Problemy dvuiazychnoi kommunikatsii*. SPb. Pp. 35. (In Russ.)
- Rogova, A.S.* (2010) Osobennosti yazykovogo povedeniia russkoiazыchnykh immigrantov v russko-norvezhskom prigraniche [Peculiarities of the linguistic behavior of Russian-speaking immigrants in the Russian-Norwegian border area] // *Voprosy yazikoznaniya* No. 4. Pp. 30. (In Russ.)
- Sergeeva, E.N.* (2015) Avgu-Bagshi: ZHizneopisanie Avgusty Dmitrievny Kornakovoi v krugu SHevelevykh Brinerov Tokmakovykh i ee etnograficheskie raboty o Mongolii [Avgu-Bakshi: The biography of Augusta Dmitrievna Kornakova in the circle of the Shevelevs, Brinners, Tokmakovs and her ethnographic works on Mongolia]. Vladivostok. 200 p. (In Russ.)
- Spiridonova, A.V.* (2007) Regional'naya kul'tura: dialektika lokal'nogo i universal'nogo (po materialam Vostochnogo Zabajkaliya). [Regional culture: the dialectic of local and universal (based on the materials of the Eastern Transbaikalia)] Chita: Zabspu. 187 p. (In Russ.)
- Svechnikov, A.P.* (1912) Russkie v Mongolii. [Russians in Mongolia]. Spb: tip-lit «E`nergiya». 150 p. (In Russ.)
- Thompson, P.* (2003) The voice of the past: Oral History / Per. s angl. M. 368 p. (In Russ.)
- Yaroshevskij, V.* (1990) Mestnorusskie Mongolii. [Local Russian Mongolia] Ekho planety №9 (110) 5-11 May. Pp. 26–28. (In Russ.)
- Yarskaya-Smirnova, E.R.* (1997) Narrativnyi analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology] // *The Sociological Journal*. No. 3. Pp. 38–61. (In Russ.)
- Zemskaya, E.A.* (2000) Rechevoi portret emigrantki pervoi volny [A speech portrait of an emigrant of the first wave] // *Russii yazyk segodnya*. M. P. 119. (In Russ.)
- Zhdanova, N.A.* (2016) Sovremennyi russko-kitaiskii pidzhin Zabaikalia v strukturno-sistemnom i kommunikativnom aspektakh: Na materiale kitaiskogo etnolekta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Modern Russian-Chinese Pidgin of Transbaikalia in structural, systemic and communicative aspects: Based on the material of the Chinese ethnolect]. Ulan-Ude. 18 p. (In Russ.)
- Zhukov, A.V.* (2014) Sotsiokulturaia sreda Zabaikalia: Zabaikalskie kazaki i ikh potomki [The socio-cultural environment of Transbaikalia: Trans-Baikal Cossacks and their descendants]. Chita: Zabspu. Pp. 133. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Сундеева Дина Борисовна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30.

<https://orcid.org/0009-0005-0623-9164>

Адрес: 672039, Российская Федерация, г. Чита, Александрo-Заводская, 30.

Эл. адрес: dina-sundueva@yandex.ru

Dina B. Sundueva – professor, doctorate of Cultural Studies, Transbaikal State University, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0005-0623-9164>

Address: Aleksandro-Zavodskaya str. 20, Chita, Russian Federation, 672039

Email: dina-sundueva@yandex.ru

Для цитирования: *Сундужева Д.Б.* Автобиографические нарративы русского старожильческого населения Монголии: Опыт социолингвистического прочтения // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 71–84. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-71-84

For citation: *Sundueva, D.B.* Autobiographical narratives of Russian old-resident population of Mongolia: experience of sociolinguistic reading // Sociolinguistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 71–84. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-71-84

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 24.09.2024;
approved after reviewing 16.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.